

М.О.Шахов, О.С.Шутова

ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АНАЛИЗ ТИПОЛОГИЙ И «СИЛОВАЯ МОДЕЛЬ»

Как и в прошлом, роль религии в современных обществах, социальный и юридический статус религиозных организаций, степень разделения религиозных и политических институтов, уровень организованности религиозных систем и т. д. существенно различаются. Это побуждает исследователей отношений государства и религиозных организаций к систематизации полученных научных результатов, в том числе и путем разработки типологий или классификаций указанных отношений.

Анализ научной литературы, непосредственно связанной с проблемами отношений государства и религиозных объединений, показывает, что основным приемом для обобщения и систематизации накопленного эмпирического материала является выделение некоторого числа «типов» или «моделей», с которыми сопоставляются отношения в конкретных странах. По мере возрастания числа выделяемых типов, возрастает точность, детальность описания каждого из них. В этом проявляется известный логический закон обратного соотношения между объемом и содержанием понятия.

Отметим, что сами авторы исследований по-разному именуют объект, разновидности которого они описывают: государственно-конфессиональные отношения (далее – ГКО), государственная вероисповедная политика, и т. д. Однако по сути, во всех случаях речь идет именно о выделении нескольких видов отношений государства и религиозных объединений, каждый из которых отличается некоторой совокупностью специфических (характерных) признаков.

Наиболее простые варианты сводятся к различению *светского* и *конфессионального* государства. В данном случае имеет место дихотомическое деление по признаку наличия или отсутствия принципа отделения религиозных объединений от государства. Среди исследований, в которых используется соответствующее деление, можно выделить работы М.И.Одинцова, С.В.Джороевой, Л.А.Морозовой и др.

Так, по мнению российского историка и религиоведа М.И.Одинцова¹, история отношений государства и мировых религий на протяжении последних двух с половиной тысячелетий может быть осмыслена через призму возникновения и эволюции двух типов государств:

¹ Одинцов М. И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. Материалы международной конференции (Москва, 23–24 марта 1999 года). – М., 2000. – С. 36.

«клерикального» (конфессионального) и «светского». Клерикальное государство жестко привязано к конкретной религии, в связи с этим имеет смысл рассматривать «христианское», «мусульманское», «буддийское» государство и т. д. В рамках клерикального государства, по мнению ученого, складывались такие формы ГКО, как папоцезаризм, цезарепапизм, теократия, симфония, государственная церковь, веротерпимость, свобода религий (вероисповеданий) и т. д.

Светское государство, исторически более позднее, оформляется в правовом отношении на рубеже XVIII–XIX вв. в большинстве случаев как результат революционного преобразования клерикального государства. В рамках этого типа ГКО выстраиваются на принципах свободы совести, отделения де-юре или де-факто религиозных организаций от государства, равенства правового положения религиозных объединений и т. д. Данный тип исторически был представлен двумя формами: «внеконфессиональное» и «атеистическое» государство.

Оба типа государства (клерикальное и светское), как справедливо замечает ученый, существуют и в сегодняшнем мире, реализуя вероисповедную политику или политику в сфере свободы совести, которая и определяет характер ГКО.

По мнению современной российской исследовательницы С.В.Джораевой², существуют две модели государственно-церковных отношений:

- симфония как союз государства и церкви, берущая начало с момента официального признания христианства государственной религией в IV в. и нашедшая свое практическое воплощение в формах папизма и цезарепапизма;
- отделение церкви от государства, при котором церковь существует как социально-политический институт, относительно независимый от светских властей с предоставлением ей свободы в реализации своих специфических задач. Данная модель, по мнению автора, воплотилась на практике в двух формах: французской (революционное государство, принявшее на себя функции, ранее относившиеся к компетенции церкви, тем самым создавая предпосылки вытеснения религии из всех сфер общества) и американской (существование церкви как социально-политического института, относительно независимого от светских властей с предоставлением свободы в реализации своих духовных, моральных и воспитательных задач).

Л.А.Морозова³ в своей работе обращается к понятию статуса церкви в государстве и выделяет:

- государственную церковь;
- режим отделения церкви от государства и школы от церкви.

В связи с тем, что рассмотренное дихотомическое деление имеет слишком общий характер, исследователи вынуждены вводить дополнительные основания деления. Поэтому при описании отношений го-

² Джораева С. В. Государственно-церковные отношения в России (опыт философско-исторического анализа). – М., 1997. – С. 37–45.

³ Морозова Л. А. Государство и церковь: особенности взаимоотношений // Государство и право. – 1995. – № 3. – С. 92.

сударства и религиозных организаций в научной литературе чаще встречаются трехтаксонное⁴ и четырехтаксонное деления.

Трехтаксонное деление используется в работах таких исследователей, как Ю.А.Розенбаум, В.Г.Фуров, Р.Балодис, Е.М.Мирошников, А.Ю.Григоренко, А.В.Щипков, И.А.Куницын, Г.Моран, С.И.Самыгин и др.

Советские исследователи Ю.А.Розенбаум и В.Г.Фуров еще в 80-е гг. предложили типологию «взаимоотношений церкви и государства в буржуазных странах» (Ю.А.Розенбаум⁵) и типологию «буржуазных моделей свободы совести» (В.Г.Фуров⁶).

Авторы выделяли:

- государства, где имеется государственная церковь;
- государства, где узаконено равенство религий;
- государства, где узаконено отделение церкви от государства и школы от церкви.

Современный петербургский исследователь А.Ю.Григоренко⁷ в своей работе рассматривает три основные модели государственно-церковных отношений:

- *сегрегационную*, при которой в государстве и обществе исповедуется атеистическая идеология, а все ее духовные противники, прежде всего, религия рассматриваются обреченными на исчезновение, вымирание. Церковь чаще всего лишается статуса юридического лица и фактически находится под запретом (бывшие тоталитарные режимы СССР, Албании, Кампучии);
- *сепарационную*, обычно характерную для демократического режима, при которой общество, исповедуя идеалы свободы, в том числе и религиозной, стремится во имя равенства всех религий перед законом отгородиться от церкви. Государство не вмешивается в процессы религиозной жизни в обществе, не осуществляет контроль за деятельностью религиозных организаций;
- *интегративную* модель. В данном случае государства, лидеры которых исповедуют определенные религиозные идеалы, рассматривают церковь как своего союзника, рассчитывают на его поддержку и используют его в своих политических и идеологических интересах, интегрируя тем самым церковь в общественно-политическую жизнь общества в качестве официально признаваемого и поддерживаемого властью (в разной степени и разных формах) государственного института.

Для этой распространенной модели характерно чрезвычайно большое многообразие ее конкретно-исторических форм, обычно сменяющих друг друга: *тоталитарная* (была обязательной стадией в истории взаимоотношений власти и церкви практически всех европейских государств); *авторитарная* (позднее после демократических преобразований в XIX–XX вв. во взаимоотношениях власти и церкви на место тоталитаризма приходят авторитарные формы государственного управления религией, которые существенно урезают разме-

⁴ Таксономическое деление производится в соответствии с некоторыми видообразующими признаками (таксонами). Число видов, на которые разделяется род, соответствует числу таксонов.

⁵ Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. – М.: Наука, 1985. – С. 54–74.

⁶ Фуров В.Г. Буржуазные конституции и свобода совести. – М.: Политиздат, 1983. – С. 28.

⁷ Григоренко А.Ю. Церковно-государственные отношения в современной России и проблема религиозной свободы и нетерпимости // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. – М., 2000. – С. 107.

ры вмешательства государства в церковную жизнь, увеличивают степень свободы церкви, которая по-прежнему остается государственной); модель *социального партнерства* государства и церкви (государство и церковь являются равными партнерами, отношения между ними регулируются системой договоров, подробно описывающей права и обязанности каждого партнера).

А.В.Щипков⁸ рассматривает зависимость/независимость отношений церкви и государства от формы правления и приводит следующие три модели:

- *сепарационная*, подразумевающая самостоятельное независимое существование государства и религиозных организаций. Эту модель, по мнению автора, можно наблюдать и в тоталитарном атеистическом обществе, когда отделение церкви от государства приводит к ее полному уничтожению, и в демократическом государстве, когда последнее стремится не препятствовать течению религиозной жизни и деятельности религиозных организаций. При этом религиозная организация рассматривается как один из субъектов рыночных отношений;
- *авторитарная*, так же может существовать как при диктатуре, так и при демократии. Государство целиком финансирует церковь и пытается полностью подчинить ее своим идеологическим интересам;
- *кооперационная*, практически не зависит от политического устройства общества, так как в ее идеальном варианте государство и церковь являются равными партнерами.

В работе И.А.Куницына⁹ классификация осуществлена по типам правового регулирования статуса религиозных объединений. Он выделяет три типа: *моноконфессиональный* (как правило, теократическое государство, на территории которого допускается официальное существование религиозных объединений только одной конфессии); *дифференцированный* (религиозные объединения обладают различным объемом прав и обязанностей); и *универсальный*, предполагающий наделение религиозных объединений равными правами и обязанностями независимо от их конфессиональной принадлежности. Внутри дифференцированного типа И.А.Куницын выделяет три вида правового статуса религиозных объединений: *государственное религиозное объединение*, *консенсуальный статус* (основанный на соглашении, конкордате с государством) и *статус официально признанных (традиционных) религиозных объединений*.

Е.М.Мирошников¹⁰ выделяет следующие модели регулирования отношений государства и церкви:

- модель государственной церкви (идентификационная модель);
- отделительная модель (сепарационная);
- кооперационная модель (модель нейтралитета).

Р.Балодис¹¹, рассматривая отношение к религии в странах Европейского Союза, выделяет следующие типы государств:

⁸ Щипков А. В. *Во что верит Россия: курс лекций.* – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. 1998. – С. 23–25.

⁹ Куницын И. А. *Правовой статус религиозных объединений в России.* – М., 2000. – С. 94–101.

¹⁰ Мирошников Е. М. *Государственно-церковные отношения в Германии // Религия и право.* – 1998. – № 1–2 (4–5). – С. 45.

¹¹ Балодис Р. *Религиозные организации и латвийское государство // Религия и право.* – 2000. – № 6. – С. 15.

- церковное государство (Англия);
- полностью обособленное (Франция);
- частично обособленное (Испания, Италия).

Применительно к новейшей европейской истории, испанская исследовательница Г.Моран¹², также выделяет три видовых понятия, обозначая их как основные направления государственно-церковных отношений:

- *координационное*, основанное на форме государственной церкви, при котором государство, предоставляя официальную защиту одной церкви, признает некоторую терпимость или даже свободу в отношении других вероисповеданий. Такая система существовала в большинстве стран Европы XIX – начала XX вв.;
- *сепаратистское*, при котором между церковью и государством в качестве обоюдной защиты от злоупотреблений власти возводится стена;
- *анти-церковное*, при котором государство воспринимает церковь в качестве притеснителя своих граждан. По мнению автора, такой принцип действовал до последнего десятилетия в Мексике или в некоторые периоды истории Франции, начиная со времен Французской революции до нашего времени, а также при коммунистических режимах в Восточной Европе до их падения.

Коллектив авторов из Ростова-на-Дону (С.И.Самыгин, В.И.Нечипуренко, И.Н.Полонская¹³) среди форм взаимоотношений религиозных институтов и политических структур в рамках христианской традиции называет следующие:

- теократическую монархию, где государственная власть и господствующая религия нераздельно слиты;
- автономность церкви и государства, характерную для демократических стран;
- принудительный атеизм, ставший в двадцатом веке государственным мировоззрением, обязательным для всех граждан.

Четырехтаксонное деление используется в работах В.В.Пьянкова и В. ван Дюка, Р.А.Подопригоры и П.Мойзеса, Дж. ван дер Вивера и М.Г.Писманика и др. Так, современный исследователь В.В.Пьянков¹⁴ приводит следующую классификацию основных форм ГКО:

- *теократия*: при такой форме государственно-церковных отношений происходит слияние церковной и государственной власти, при этом церковная власть включает в себя светскую, все функции государственного аппарата выполняет церковная иерархия (Иран, Мавритания);
- *государственная церковь*: определенная религия официально закреплена как государственная. Государственная церковь является частью правительственного аппарата, выполняя при этом ряд светских функций в обществе, и обладает различными привилегиями в сфере экономических, правовых и политических отношений (Великобритания, Швеция);

¹² Моран Г. Роль церкви и государства в установлении межконфессиональных отношений: история и современность // Межконфессиональный мир и консолидация общества. Материалы международной конференции (Москва, 27–28 февраля 1997 г.). – М., 1997. – С. 21–38.

¹³ Самыгин С.И., Нечипуренко В.И., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психологи религии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – С. 532.

¹⁴ Пьянков В.В. Проблема совершенствования государственно-церковных отношений в современной России // Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Материалы международной научно-практической конференции 2–3.10.1997г. – Казань. 1998. – С. 58.

- *частичное отделение церкви от государства* или «народная церковь» (Испания, Польша): официально все конфессии признаются государством равными перед законом, однако, при этом признается преимущественное положение определенной церкви. В указанных странах это преимущественное положение Католической церкви закрепляется конкордатом (соглашением) между государством и Священным престолом (Ватикан);
- *отделение церкви от государства* (США, Франция): все конфессии отделены от государства и являются равными перед законом. Никакой церкви не отдается предпочтение, осуществляется принцип невмешательства во внутренние дела как церкви, так и государства. Государство не вправе контролировать отношение своих граждан к религии. Оно не оказывает церкви какой бы то ни было поддержки.

Профессор В. ван Дюк¹⁵ в своей работе дает четырехтаксонную классификацию отношений религии и права:

- системы, в которых религиозным объединениям предоставлена возможность иметь представительство в правительстве (органах власти и управления);
- системы, в которых правительство поддерживает деятельность религиозных организаций;
- теократии (где религия занимает центральное место в политической жизни);
- системы, в которых признается автономия религиозных групп.

У исследователя административно-правовых аспектов ГКО Р.А.Подопригоры¹⁶ типология государств определяется зависимостью от отношения к религии и религиозным организациям:

- *религиозные государства*, в которых государственной религией является ислам и где религиозные институты играют совершенно особую роль в государственной и общественной жизни по сравнению с другими странами. Несмотря на наличие в этих странах светских институтов (парламентов, законодательства) государственная, общественная и личная жизнь в большой степени пронизаны религиозными нормами и религиозным сознанием (Иран и Саудовская Аравия);
- *государства с государственной религией* (церковью), в конституциях или законодательстве которых закреплены государственный (официальный, традиционный, народный) статус конкретной религии или церкви, при этом все они могут серьезно отличаться в ГКО, что позволяет говорить о подтипах в рамках этого типа: государства с государственной церковью (Англия, Финляндия, Дания, Исландия, Норвегия, Шотландия, Греция) и государства с патронируемой государственной религией (латиноамериканские страны с сильными католическими традициями и влиянием католической церкви, некоторые государства, в которых объявляется государственной религией ислам – Алжир, Еги-

¹⁵ *Vernon van Dyke. Human Rights, Ethnicity and Discrimination Westport, CT, 1985 / Цит. no: Johan D. van der Vyver. Introduction Legal Dimensions of Religious Human Rights: Constitutional Texts // Religious Human Rights in Global Perspectives. Legal Perspectives Ed. by Johan D. van der Vyver, John Witte, Jr. Martinus Nijhoff Publishers – The Hague/Boston/ London – 1996. – P. XIX.*

¹⁶ *Подопригора Р.А. Государство и религиозные организации (административно-правовые вопросы). – Алматы: Аркаим, 2002. – С. 89–111.*

пет, Марокко; буддизм – Бутан, Таиланд, Шри-Ланка; индуизм – Королевство Непал);

- *государства, основанные на нейтралитете* по отношению к религиозным организациям, в которых не имеется государственной религии, равно как и не закреплён принцип отделения религиозных организаций от государства. Сюда также могут включаться различные по своим государственно-конфессиональным характеристикам страны в зависимости от конкретно складывающихся отношений с религиозными структурами. Отношения государства и церкви в рамках данного типа могут варьироваться от отношений кооперации (Германия) до автономного существования двух социальных образований (западноевропейские страны, Кения, Никарагуа, Новая Зеландия, Польша, Сенегал), а могут быть действительно нейтральными без определения каких-то сфер сотрудничества с государством или пределов автономии церковью (большинство африканских стран, Австралия, Венгрия, Ирландия, Южная Корея, Япония);
- *государства, основанные на отделении* религиозных организаций. В целом принцип отделения религиозных организаций (церкви) от государства означает не столько независимость двух социальных образований, сколько исключение религиозных объединений из политической и частично из социальной активности, объявление религии частным делом.

Профессор Бостонского университета П.Мойзес¹⁷ приводит следующую типологию отношения европейских государств к религиозным правам человека:

- Тип А – *церковный абсолютизм*, где одной конкретной религии отдается предпочтение;
- Тип В – *религиозная толерантность*, где государство великодушно относится ко всем религиям, но предоставляет преимущество конкретной доминирующей религии;
- Тип С – *светский абсолютизм*, где все религии отвергаются государством в пользу светского мировоззрения;
- Тип D – *плюралистическая свобода*, когда государство индифферентно и нейтрально как к религии, так и к нерелигиозности.

Нидерландский исследователь Дж. ван дер Вивер¹⁸ выделяет следующие представления об отношениях государства и церкви:

- *американское* представление о непроницаемой стене между государством и церковью;
- *исламское* представление, устанавливающее идентичность права и религии;
- *схоластическое* – представление о взаимообусловленности и взаимопомощи (subsidiarity alongside);
- *кальвинистское* – о суверенитете сфер.

М.Г.Писманик¹⁹, учитывая опыт политической истории разных стран при анализе конкретного соотношения религии и политики,

¹⁷ *Mojzes P. Religious Human Rights in Post-communist Balkan Countries // Religious Human Rights in Global Perspectives. Legal Perspectives. – P. 266–269.*

¹⁸ *Johan D. van der Vyver. Op. cit. – P. XX.*

¹⁹ *Религия в истории и культуре / Под ред. проф. М.Г.Писманика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – С. 128.*

выделяет несколько наиболее типичных ситуаций, в первую очередь, зависящих от места и положения религии и церкви в государственной жизни:

- деспотическое подчинение и подавление церкви со стороны тоталитарных политических режимов;
- ситуация теократии;
- государственная церковь, немногим отличающийся от теократии;
- последовательно проведенный принцип разделения властей и правового равенства конфессий.

В следующую группу можно отнести работы авторов, использующих при описании отношений государства и религиозных организаций пяти- и более таксонное деление.

Так, по мнению российского религиоведа В.И.Гараджа²⁰, отношения между религией и обществом, церковью и государством на протяжении истории принимали различные институциональные формы. Они представлены достаточно большим числом моделей, из которых особенно существенны:

- теократическая модель;
- модель государственной церкви;
- модель сосуществования церкви и государства как двух независимых величин;
- модель тоталитарного государства, для которого церковь перестает существовать в качестве самостоятельной величины;
- модель, разработанная католицизмом, нацеленная на преодоление прошлого политического клерикализма.

Исследователи Д.Шелтон и А.Кисс²¹ выделяют следующие типы государств:

- государства, контролирующие религию, являющиеся арбитром в доктринальных спорах и определяющие чистоту вероучения;
- государства, нейтральные в отношении религии;
- государства теократические, в которых доминирующая религия контролирует религиозную и светскую сферы общества;
- государства, враждебные к религии;
- государства, в которых наличествует разделение полномочий с религиями.

Английский ученый М.Момен²² выделяет следующие пять разновидностей отношений религии и государства:

- государственная религия (Иран, Пакистан, Бруней);
- преобладающая (доминирующая) религия (Северная Европа и Латинская Америка);
- мультирелигиозное общество (Ливан, Индия);
- арелигиозное общество (Западная Европа);
- антирелигиозное государство (бывшие коммунистические страны Европы и Азии).

²⁰ Гараджа В.И. Социология религии. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 159.

²¹ Shelton D., Kiss A. A Draft Model Law on Freedom of Religion, with Commentary // *Religious Human Rights in Global Perspectives. Legal Perspectives / Ed. by Johan D. van der Vyver and John Witte, Jr. Martinus Nijhoff Publishers. 1996. – P. 578.*

²² Momen M. The Phenomenon of Religion. A Thematic Approach. Oxford Oneworld, 1999. – P. 414–415.

²³ Еленский В. Религия после коммунизма: векторы изменений // Диалогос: Религия и общество 2000. Альманах. – М.: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001. – С. 15–29.

²⁴ Кол Дурэм У. Перспективы религиозной свободы: сравнительный анализ. – М., 1999. – С. 19–34.

Исследователь В.Еленский²³ рассматривает модели функционирования институциональной религии в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы и выделяет:

- секуляристский абсолютизм (Албания времен диктатуры Энвера Ходжи);
- радикально жесткое и антагонистическое отделение церкви от государства (СССР);
- неравноправный союз с церковью большинства (Румыния, Болгария и Македония);
- либерально-коммунистическая модель (Чехословакия, Венгрия, ГДР и некоторые республики СФРЮ);
- польская модель.

Американский ученый К.Дурэм²⁴ приводя типологию церковно-государственных систем, выделяет в качестве критерия степень религиозной свободы в обществе (абсолютная религиозная свобода и ее отсутствие). Последняя, в свою очередь, может быть оценена в двух измерениях: степень влияния государства на религиозную веру и поведение верующих и степень соединения государственных и религиозных институтов (отделение и полное соединение).

По мнению Дурэма, обратившись к континууму соединения, можно представить его как изображение ряда типов религиозно-государственных режимов:

- *абсолютная теократия*;
- *государственные церкви*. Данный тип, подчеркивает профессор, может охватывать целый ряд возможных церковно-государственных конфигураций с очень разным отношением к религиозной свободе для групп меньшинства. На одном конце – режим с государственной церковью, при котором существует монополия в религиозных делах, тесно связанная с теократическим правлением (Испания или Италия в некоторые периоды своей истории). Далее следуют страны с государственной религией, проявляющей терпимость к ограниченному кругу вероисповеданий (исламская страна, толерантная к библейскому народу). Затем идут страны, поддерживающие государственную церковь, но вместе с тем гарантирующие равное отношение ко всем другим религиозным вероисповеданиям (Великобритания);
- *признание церкви государством*, при котором режимы просто не могут официально декларировать, что та или иная церковь является государственной, но согласны с тем, что одна из них занимает особое место в их традициях (страны с преобладанием римо-католицизма);
- *сотрудничающие режимы*, не предусматривающие специального статуса для преобладающих церквей, однако тесно взаимодействующие с церквями различными способами (Германия);
- *приспосабливающиеся режимы*, при которых государство может настаивать на отделении церкви от государства, сохраняя все же

благожелательное отношение к религии. Приспособление можно рассматривать как сотрудничество без оказания каких либо прямых финансовых субсидий религии или религиозному образованию;

- *режимы отделения*, устанавливающие более жесткий порядок отделения церкви от государства. «Отделение» в его самом крайнем выражении требует, чтобы религия была удалена из любой сферы, которую желает занять государство. При этом приемлются любые методы вмешательства в религиозные дела;
- *непреднамеренное безразличие*, где модель законодательного и бюрократического безразличия к церкви и ее нуждам частично совпадает с некоторыми типами режимов отделения церкви от государства. Изнаночной стороной непреднамеренного безразличия является искусное или не очень искусное предоставление привилегий ведущей конфессии или господствующим группам;
- *враждебность* и неприкрытое преследование.

Исследователь И.В.Понкин²⁵ приводит типологию моделей государств по критерию светскости, который, по его замыслу, должен характеризовать наличие или отсутствие отделения религиозных объединений от государства и различные аспекты их взаимодействия. Автор выделяет 6 моделей, наделяя каждую некоторым набором существенных признаков:

- *теократическая модель*;
- модель *секулярной квазирелигии* свойственна для СССР, нацистской Германии, КНДР, отчасти современных США. Отделение религиозных объединений от государства здесь понимается в контексте задач искоренения религии вообще и замещения ее общеобязательной секулярной квазирелигией;
- *эквипотенциальная модель* внерелигиозного государства, при которой государство всемерно стремится к достижению максимально возможной внерелигиозности и изоляции религиозных объединений от государственной жизни. Государство проводит императивную политику строжайшей изоляции от себя всех религиозных объединений низводя их деятельность до уровня частной жизни лиц (Япония, КНР, Южная Корея, отчасти США);
- *преференциальная модель*, основным характеристическим признаком является доминирование исторической обусловленности среди причин реализации государством выделения одной или нескольких религий и наделяния их преимущественным режимом (Германия);
- *контаминационная модель* (от лат. *contaminatio* – смешение, соединение) определяется восточным («азиатским») путем возникновения, становления и содержания деятельности государства, особенностями правовой системы. Свойственна для государств исламского мира (от Индонезии до Марокко), для Израиля, для стран, где религия в соответствии с конституционными положе-

²⁵ Понкин И. В. *Правовые основы светскости государства и образования*. – М., 2003. – С. 143–204.

- ниями отделена от государства, но по сути является государственной, – страны буддизма (Лаос, Мьянма, Шри-Ланка, Таиланд, Камбоджа, Монголия), индуизма (Индия, Непал);
- *идентификационная* модель, одним из основных характеристических признаков которой является, как и в преференциальной модели, расширенное сотрудничество государства с несколькими религиозными объединениями. Среди причин и оснований расширенного сотрудничества с выделенными религиозными объединениями доминирует учет современной национально-культурной и иной идентичности граждан (Франция, Россия, страны Балтии, Украина).

Следует подчеркнуть, что в статье приведены далеко не все точки зрения на систематизацию отношений государства и религиозных организаций. Тем не менее и этот материал позволяет сделать определенные выводы.

Прежде всего, каждая из перечисленных типологий и моделей, в основании которых лежат различные критерии (соблюдение прав человека, существующий политический режим, присутствие религии в государственных и социальных институтах, степень государственного контроля за религией, степень религиозной свободы в обществе, статус Церкви в государстве, отношение европейских государств к религиозным процессам и т. д.), обладая определенными достоинствами и недостатками, имеет право на существование.

В задачи данной работы не входил анализ эмпирических данных о ГКО в разных странах и дальнейшая разработка существующих классификаций. В статье внимание фокусируется исключительно на самой методологии деления. Такие понятия, как типология, типологизация и классификация позволяют использовать при анализе некоторые положения логики.

Под классификацией (от лат. *classis* – разряд, класс и *facio* – делаю, раскладываю²⁶) в логике понимается «многоступенчатое разветвленное деление»²⁷, цель которого сводится к построению на основе некоторых признаков иерархичной системы классов и их подклассов. То есть, классификация, во-первых, является сложным многоступенчатым делением. Во-вторых, важнейшим свойством классификации является то, что *при распределении предметов по группам по их месту можно судить об их свойствах*.

В свою очередь, под типологией в строгом смысле слова (от греч. – отпечаток, образец, форма) понимается «...метод научного познания, в основе которого лежит расчленение системы элементов и их группировка с помощью типа – обобщенной идеализированной модели»²⁸.

Таким образом, четкое отнесение вышеприведенных систематизированных описаний ГКО к классификациям или типологиям представляется затруднительным. В свою очередь, поскольку и классификация, и типология являются частными случаями деления, под кото-

²⁶ Классификация // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 255.

²⁷ Ивин А.А. Логика: Учебник. – М.: Гардарики, 2002. – С. 104.

²⁸ Типология // Новая философская энциклопедия – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 70.

²⁹ *Ившин А.А.*
Указ. соч. – С. 104.

³⁰ *Ивлев Ю.В.*
Логика: Учебник для
вузов. 2-е изд., пере-
раб. и доп. – М.:
Логос, 2001. –
С. 167.

рым в логике понимается «логическая операция над понятиями ... по распределению на группы тех предметов, которые мыслятся в исходном понятии»²⁹, по мнению авторов, более целесообразно употребление именно этого термина, а еще более точно – таксономическое деление. Последнее представляет собой «выделение в объеме понятия подклассов, являющихся объемами новых (видовых по отношению к исходному) понятий с точки зрения ... основания деления»³⁰.

Проблема унификации понятий в данном случае касается в большей степени даже не метода познания объекта (типология, классификация или деление), а самого объекта. Для описания ГКО ученые используют самые разнообразные термины: тип государства (М.И.Одинцов, Р.А.Подопригора, И.В.Понкин), форма государственно-церковных отношений (М.И.Одинцов, С.И.Самыгин, В.В.Пьянков), модель государственно-церковных отношений (Г.Моран, В.И.Гараджа, А.Ю.Григоренко, Е.М.Мирошникова), наиболее типичные ситуации (М.Г.Писманик), вид статуса Церкви в государстве (Л.А.Морозова), тип отношений религии и права (В. ван Дюк), тип отношения государства к религиозным правам человека (П.Мойзес), тип религиозно-государственных режимов (К.Дурэм) и др.

При этом, с одной стороны, ученые используют идентичные понятия, вкладывая в них разное содержание (например, сепарационная модель ГКО А.В.Щипкова понимается шире, чем соответствующая модель А.Ю.Григоренко), с другой, для описания одного и того же предмета применяются разные дефиниции (координационное направление ГКО Г.Моран и общеупотребляемый термин государственная церковность). Так используя разные термины, М.И.Одинцов, В.В.Пьянков, Р.А.Подопригора и В. ван Дюк в целом описывают дихотомическое деление государств на светские и религиозные и трехтаксонное деление типов государственно-церковных отношений с режимами государственной церковности, кооперации и отделения.

В отношении содержательной части описаний хотелось бы обратить внимание на ошибки, допускаемые при соответствующих делениях. Во-первых, деление должно производиться по одному основанию. Поэтому не совсем корректно говорить в одном ряду о странах, где, например, существует равенство религий, и странах с отделением церкви от государства (Ю.А.Розенбаум, В.Г.Фуров), о странах с режимом государственной церкви и с режимом отделения (Л.А.Морозова), с теократической и идентификационной моделью (И.В.Понкин) и т. д., поскольку в основе выделения лежат разные критерии: положение религии в стране и политический принцип отношений государства и церкви.

Во-вторых, деление должно быть соразмерным. При таксономическом делении объединение объемов членов деления должно дать объем делимого понятия. При нарушении этого правила могут иметь место деления с избыточными членами, когда в число членов деления включают понятия, объемы которых не входят в объем делимого по-

нения, либо неполные деления, когда пропускается какой-то член. Так, отдельно выделяемое Д.Шелтоном и А.Киссом положение о нейтралитете в какой-то мере может дублировать режим разделения полномочий. А при слишком упрощенной классификации возникают противоположные проблемы. Например, то обстоятельство, что государство не имеет официальной государственной церкви, не обязательно означает, что установлен режим отделения церкви от государства (Л.А.Морозова).

Объективная условность таксономического деления обусловлена уникальностью религиозной ситуации в каждом государстве. При принятии за основу классификации норм законодательства, действующего в стране, не учитывается, что буква закона может существенно корректироваться реальной практикой его применения и степенью соблюдения. При принятии за основу эмпирических данных о реальном положении дел в конкретном государстве велика погрешность из-за влияния субъективного фактора при сборе сведений и вынесении оценок.

Помимо проблем, связанных с познавательными возможностями, такие системы являются ценностно нагруженными, то есть прямо или скрыто отражают взгляды автора на «должное» или «не должное» состояние ГКО. Помещая исследуемый объект в то или иное место шкалы, автор тем самым дает ему оценку, всегда не свободную от субъективности (П.Мойзес, К.Дурэм). Понятно, что абсолютная ценностная нейтральность науки недостижима в принципе, но ученый может и должен стремиться оперировать фактическими, а не ценностными суждениями.

Приведенные выше типологии и классификации изложены в порядке перехода от более простых к сложным. По мере увеличения количества критериев и признаков выделяемых типов и соответствующего увеличения количества типов в классификации в некоторой мере происходит углубление в структуру изучаемого объекта. И действительно, чем больше оснований, характеристик и признаков отдельных типов выделяется, тем более конкретнее, четче становится модель, тип, направление, режим отношений и т. д. Однако, если следовать данной логике, можно дойти до абсурда, придумывая модели для каждого конкретного государства, каждого периода его истории и каждого религиозного объединения на его территории.

Очевидно, что большинство предлагаемых в научных исследованиях систем ГКО характеризуется дескриптивно-классифицирующим подходом, выделением нескольких (от двух: конфессиональное и светское государство) до десятка типов государственно-церковных отношений. Хотя при этом в каждом типе выделяются некоторые существенные признаки для классификации, внимание концентрируется *не на внутренней структуре, не на составных частях, а на типе ГКО, на его месте в некоей шкале.* И как справедливо замечается в Философской энциклопедии (1962 г.), «в результате формальной классифика-

ции может устанавливаться некоторый порядок в расположении самих групп, однако, как правило, этот порядок носит внешний, нередко искусственный и произвольный, а главное – предварительный характер»³¹.

³¹ Классификация // Философская энциклопедия. – М., 1962 – Т.2. – С. 532.

Таким образом, рассмотренный описательно-классифицирующий подход, в отличие, например, от структурно-аналитического, не может претендовать на раскрытие сущности, установление закономерных связей объектов, он ограничивается перечислением некоторых свойств объектов, группировкой по их внешним признакам, установлением наблюдаемых зависимостей. Познавательная способность таких систем невелика – они лишь констатируют место данного типа ГКО среди других выделяемых автором той или иной классификации, но не обладает возможностями *объяснения причин того, почему тот или иной тип ГКО сложился* данным образом.

Мы исходим из того, что характерные *признаки* того или иного типа («модели») ГКО, используемые авторами вышерассмотренных опытов типологии (классификации), являются *следствиями* того, что эти отношения сложились в каждом конкретном случае именно данным, а не каким либо иным образом. В этих типологиях систематизируется *данность*, описывается *то, что есть*, что сложилось, но вопрос о том, *почему* возник, установился именно наблюдаемый в данной стране, а не иной тип ГКО, о том, каковы сформировавшие его *движущие силы*, остается вне рассмотрения.

Наше исследование исходит из того достаточно хорошо известного общего положения, что взаимоотношения между любыми субъектами, действующими в общественно-политической жизни возникает как результат некоего *равновесия сил*, которыми обладает каждый из этих субъектов и которые он направляет для достижения своих целей. При определенном упрощении можно провести некую аналогию с векторной алгеброй, где результирующий вектор образуется в итоге сложения разновеликих и разнонаправленных векторов.

Реальная картина ГКО в любой стране характеризуется полисубъектностью, наличием большого числа участников отношений, которые в свою очередь, не являются изолированно бинарными, но оказывают взаимное влияние друг на друга. Кроме того, каждый из «условно элементарных», «атомарных» субъектов ГКО на деле не представляет из себя единого целого, а состоит из той или иной совокупности «подсубъектов». (Например, «церковь» – это и высшая иерархия, и клир в целом, и миряне, причем социальные позиции их могут существенно отличаться. В зависимости от степени демократичности или тоталитарности конкретной церкви, она будет в качестве условно единого субъекта ГКО отражать либо некую сумму (усреднение) позиций своих членов, либо предписанную всей церкви позицию иерархии. Возможно также, что высшее духовенство и цер-

ковный народ, ввиду разногласий между собой, в ряде случаев выступают как самостоятельные субъекты ГКО).

Ввиду того, что попытка учесть полисубъектность ГКО и все многообразие факторов, влияющих на их формирование сделала бы попытку построения некоей схемы сочетания сил заведомо невыполнимой (чуть ниже мы подтвердим это математически), единственно возможным представляется начать с предельно упрощенной ситуации, ограничив число субъектов ГКО двумя («государство» и «религиозная организация») и максимально расширив (объединив) понятия, описывающие силовые потенциалы субъектов и направленность их действия.

В качестве атомарных (условно неделимых) субъектов мы берем государство («светскую власть»)³² и религиозное объединение. Попытаемся далее свести все разнообразие действий, которые субъекты могут производить в отношении друг друга к *минимально необходимому числу несводимых друг к другу факторов* (или пользуясь термином математического анализа, *аргументов функции*).

³² Оговоримся, что понятие «светские власти» шире, чем понятие «светское государство», в котором действует принцип отделения религиозных объединений от государства.

Во-первых, каждый из субъектов обладает неким общественно-политическим влиянием, которое мы далее будем упрощенно называть силой. Под силой мы понимаем всю совокупность возможностей субъекта производить в обществе желаемые изменения (или поддерживать status quo). Она складывается из общественной (народной) поддержки субъекта, в том числе основанной на историческом опыте и традициях, его финансово-экономических ресурсов, международного воздействия (помощи или противодействия), прямых силовых ресурсов и т. д. (Такие факторы, как закрепление неких привилегий, полномочий субъекта в правовых нормах также можно рассматривать как составную часть его «силы» при анализе краткосрочного периода, однако в ходе исторического процесса реальное ослабление или усиление потенциала субъекта рано или поздно влечет соответствующее изменение его правового статуса, поэтому последний скорее произведен).

Понятно, что применительно к большинству современных стран вопрос о том, «кто сильнее?» в прямом прочтении может показаться некорректным. Напомним, однако, о весьма распространенной в политологии практике оценок «рейтинга влияния» политиков, в которых также фигурируют столь трудно сопоставимые впрямую «по силам» персоны как министры и патриарх РПЦ.

Мы обозначим далее условно сильный субъект буквой «S» (Strenght – сила) и слабый – буквой «W» (Weakness – слабость). Везде в дальнейшем первая буква характеризует государство, вторая – религиозное объединение (церковь). Итак, возможные варианты: SW (сильное государство, слабая церковь); WS (слабое государство, сильная церковь); SS и WW (последние два могут быть сведены к одному символу «=», так как при равенстве сил их «сила» или «слабость» могут оцениваться только относительно какой-то третьей силы).

Вторым фактором мы обозначаем *направленность взаимодействия*, характеризующую стремление данного субъекта взаимодействовать с партнером. Выделим здесь три предельных варианта:

- стремление к сотрудничеству, к достижению общих социальных целей (обозначение \uparrow),
- нейтралитет, уклонение от взаимодействия (N),
- враждебность, оппозиционность, стремление к противоположным целям (\downarrow). Под этим понимается активная деятельность, как в рамках закона, так и вне них. Пассивное неприятие должно относиться к виду N, впрочем, у государства такое N часто переходит в \downarrow .

Оговоримся, что вообще-то возможны и смешанные варианты, когда субъекты частично стремятся к совпадающим целям, частично противоборствуют, частично безразличны к деятельности друг друга.

Второй фактор, бесспорно, не вполне независим от первого, например, у религиозных объединений больше резонансов не противиться сильному государству, чем слабому, однако, именно сильное государство может вызывать большую оппозиционность у борющихся за веру религиозных меньшинств. Итак, направленность взаимодействия в каждом конкретном случае как-либо связана с соотношением сил, но в общем виде не является однозначно выводимой из первого фактора.

Поясним на нескольких примерах возможные варианты взаимодействия. В случае $\uparrow\uparrow$ мы имеем дело с сотрудничеством субъектов, в случае $\downarrow\downarrow$ – с их противостоянием, в случае NN – с тем, что часто называют «сепарационным» типом ГКО. Типы $\downarrow N$ или $\downarrow\uparrow$ близки к отношениям старообрядцев с государством в Российской империи, когда они, несмотря на враждебность властей проявляли лояльность и даже преданность престолу. Тип $\uparrow\downarrow$ маловероятен, кроме случаев слабого государства, вынужденно заигрывающего с рвущимися к власти клерикалами или с религиозными фундаменталистами, с ним сходен близкий тип $N\downarrow$. К типу $N\uparrow$ подчас можно отнести отношения между проявляющими разумную осторожность современными российскими органами власти и стремящимися к социальному партнерству с государством новыми религиозными движениями. Бесспорно, не всякая чисто теоретически возможная комбинация осуществима в реальной жизни.

Достаточно ли этих выделенных нами обобщенных факторов, чтобы представить двухсубъектные ГКО в виде функции *двух* независимых аргументов? Очевидно, что нет, так как сходный набор значений этих двух аргументов может быть свойственен принципиально различным типам ГКО. Например, набор сочетаний SW, $\uparrow\uparrow$ (государство более влиятельно, чем церковь; они стремятся к совместным целям) будет соответствовать и социальному партнерству в светском государстве, и положению Синодальной церкви, бывшей частью государственной машины Российской империи.

Для различения указанных типов ГКО мы вводим *третий фактор*: *стремление к доминированию*, т. е. сознательное стремление субъекта отношений подчинить себе партнера, управлять им. (Речь снова идет о *действиях*, направленных на достижение этой цели, простое наличие учения о будущем приходе к власти сверхъестественным способом сюда не относится). Таковое может либо наличествовать (обозначение **D**), либо отсутствовать (**N**). Данный фактор также не свободен от влияния двух первых, но и не детерминирован ими однозначно, поэтому может рассматриваться как третий независимый аргумент функции ГКО. Например, сильное государство может стремиться подчинить своему влиянию религиозные объединения, а может, как в США, выдерживать более нейтральную позицию. Тогда комбинации **DD** и **ND** будут соответствовать состоянию борьбы между секуляризацией и клерикализацией (в зависимости от того, стремится ли государство просто отделить от себя церковь или подчинить своему влиянию), **NN** – положению дел в большинстве современных светских государств; **DN** – ГКО в СССР, где власть в реальности стремилась управлять жизнью религиозных объединений, а для последних вопрос стоял лишь о выживании; **ND** может быть отнесено также к светским государствам, где к власти стремятся исламские фундаменталисты.

Тогда каждые конкретные ГКО могут быть описаны в виде сочетания (комбинации) трех параметров или как функция трех независимых аргументов $u = F(x, y, z)$. Такая интерпретация, на наш взгляд, частично проникает в процесс формирования ГКО, представляет его в качестве результата достижения равновесия действующих сил.

Возможные варианты значений каждого из трех факторов могут быть представлены в табличном виде следующим образом:

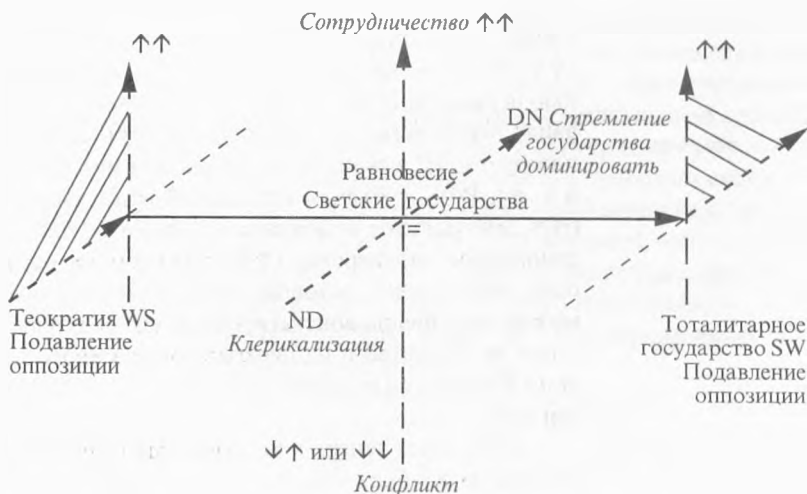
СИЛА	WS		SW		WW и SS или =				
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	↑↑	↓↓	↓↑	↑↓	N↓	N↑	↓N	↑N	NN
ДОМИНИРОВАНИЕ	DD		DN		ND		NN		

Итак, даже при максимальном упрощении и обобщении факторов, действующих при формировании ГКО, число теоретически возможных комбинаций оказывается равным $3 \times 9 \times 4 = 108$, хотя некоторые из механически составляемых комбинаций будут маловероятными в реальной жизни, например, группы комбинаций, когда один из субъектов враждебен другому, но не стремится доминировать над ним (хотя комбинация **SW N↓ NN** подходит для существующих в прочном светском государстве асоциально настроенных групп, видящих во внешнем мире царство антихриста и стремящихся порвать с ним все связи, включая отказ от паспортов, денег, исполнения гражд-

данских обязанностей). Это подтверждает методологическую неизбежность изначально сделанных обобщений для того, чтобы прийти к схеме, включающей обозримое число параметров, избежав их беспредельного умножения.

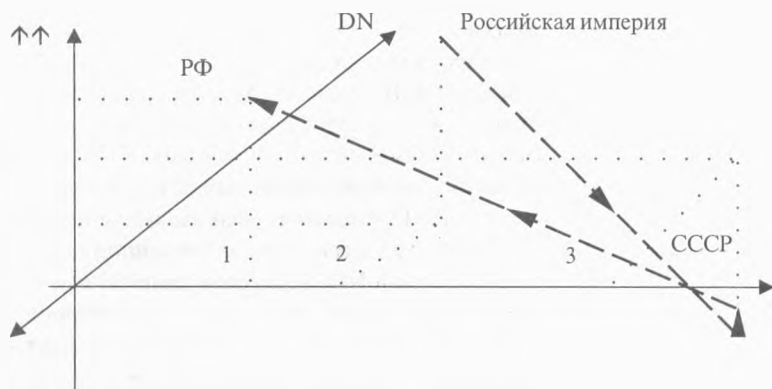
Функция *трех* независимых аргументов требует для изображения *четырёхмерного* пространства, поэтому совмещенная графическая интерпретация системы из трех выделенных нами параметров и возникающего из них типа ГКО невозможна.

Упрощенный вариант трехмерного изображения факторов и ГКО может быть получен (см. рисунок), если центральной осью выбирается ось соотношения сил и на ней фиксируются три «среза»: а) когда силы церкви кардинально преобладают и в предельном значении образуется теократическое государство; б) когда силы партнеров сопоставимы (близки); в) когда сила государства, т. е. (см. выше) его возможность влиять на общество кардинально выше, чем других субъектов и в пределе образуется тоталитарное государство. В случаях а) и в) возможности другого субъекта отношений противодействовать преобладающей силе или бороться за власть пропорционально снижаются. В случае б) возможен максимально широкий спектр вариантов: *светские государства* (нет отклонений по оси доминирования, по оси взаимодействия возможны сотрудничество, нейтралитет, оппозиция; *государственная церковь* (сдвиг по оси доминирования в направлении DN, сдвиг по оси взаимодействия в сторону ↑↑); борьба клерикальных и секулярных тенденций (сдвиг по оси доминирования в направлении ND, возможен сдвиг по оси взаимодействия в сторону ↓↓). Схема позволяет также иллюстрировать динамику развития ГКО в результате изменения одного из факторов (соотношения сил, изменения характера взаимодействия: усиление или ослабление сотрудничества или противодействия и т. д.), показывая траекторию движения точки, соответствующей исследуемым ГКО.

В случаях теократии и тоталитарного государства возможность более слабого субъекта ГКО проявлять оппозиционность становится минимальной (при крайней теократии сам субъект «светская власть», даже с учетом сделанной выше оговорки, «растворяется» в религиозной власти), поэтому здесь оси взаимодействия обрываются вблизи нейтральной точки. Соответственно и стремление к доминированию может проявлять только «хозяин положения». В этих предельных ситуациях область реально возможных вариантов ГКО на схеме графически выделена штриховкой. Для большинства государств современного мира характерно положение где-то между этими двумя крайностями, что предопределяет гораздо более широкий спектр возможных вариантов отношений.

Рассмотрим на основе предложенной системы координат графическую интерпретацию изменения отношений между государством и религиозным объединением.

Динамика изменения отношений государства и РПЦ: Российская империя – сильное государство управляет церковью (Синодальная система), государство и церковь сотрудничают в социальной сфере (↑↑); СССР – еще более мощное государство реально управляет жизнью церкви, противостояние (↓↓), однако, не может быть сильным ввиду неравенства сил, в последний период государство отчасти использует РПЦ в своих целях (борьба за мир на международной арене и т. п.); РФ – субъекты отношений не стремятся к доминированию (NN, нейтральное положение на линии ND-NN-DN), но развивают социальное партнерство (↑↑). Пропорции отрезков по всем трем осям, естественно, условны, носят качественный характер, однако, можно несомненно констатировать, что влияние и сила воздействия на общество и на церковь современного государства меньше, чем в Российской империи и в СССР (соответственно, точки 1, 2 и 3 на оси сил).

Обратимся теперь к интерпретации ГКО в ряде государств, совместив их изображения на одной и той же схеме. (Опять-таки пояс-

ним, что все пропорции несколько условны и мы не претендуем точно отобразить, на сколько процентов государство «сильнее» церкви в Швеции, а насколько – в Италии.)

В США имеет место «сепарационная модель» ГКО (сильное, нейтральное по отношению к религиозным объединениям государство), в Великобритании и Швеции традиционное положение государственной церкви, управляемой государством изменяется в сторону все большего освобождения церкви от государственного контроля, что не уменьшает уровень сотрудничества в социальной сфере; в Испании, Италии и ряде других католических стран во второй половине XX в. происходит снижение клерикализации, выравнивание положения Католической церкви и других конфессий, при этом социальное партнерство сохраняется.

Рассмотренные выше конструкции были предназначены для описания двухсубъектных ГКО, каковые в чистом виде в реальной жизни представляют скорее исключение. Для описания с применением предложенной нами методологии многосубъектных отношений требуется ввести четвертый фактор или параметр – *приоритетность* для государства отношений с данной церковью (религиозной организацией) по сравнению с другими. Он может иметь три значения: «+» – если религиозное объединение наделено особым правовым статусом (напр. государственная церковь) или de facto выделяется среди других (что обычно связано с наличием у него силы, влияния); «0» – если государство придерживается принципа строгой равноудаленности от всех конфессий (характерно для сепарационного типа ГКО); «-» – если данное религиозное объединение подвергается дискриминации или государство избегает сотрудничества с ним.

Итак, с помощью набора четырех параметров может быть достаточно точно описан характер ГКО, причем это описание не просто констатирует наличие тех или иных отличительных признаков, но указывает на основные факторы, в результате действия которых они

сложились именно данным образом. В отличие от рассмотренных в начале статьи примеров классификации ГКО, предлагаемая методика ближе соответствует требованиям теоретической типологии, поскольку каждый тип ГКО образуется как идеальный объект, полученный в результате комбинации идеализированных параметров, а не как непосредственный заместитель эмпирически данного множества объектов. Идеальные типы вначале конструируются путем перебора возможных сочетаний параметров, а затем с ними отождествляются наблюдаемые в жизни ГКО. Следовательно, полнота типологии не зависит от полноты эмпирических наблюдений, от репрезентативности выборки фактического материала. А при систематизации и классификации эмпирических данных подчас наблюдаются пробелы, неполнота в выстраиваемых типологиях.

Помимо этого, углубление внутрь состава исследуемых ГКО, которые уже не рассматриваются как атомарный, неделимый объект, позволяет получать дополнительную информацию о причинно-следственных связях при формировании ГКО. Однако, предложенная нами «силовая» модель ГКО является лишь одним из возможных вариантов, способных дополнить ранее разработанные исследователями приемы изучения и классификации ГКО. Наиболее перспективным нам представляется дальнейшее развитие анализа внутренней структуры элементов, составляющих в своей совокупности государственно-конфессиональные отношения, изучение их взаимодействия между собой и сравнительной роли в формировании ГКО и государственной вероисповедной политики.